

А. В. Горбунов

**Характеристика неприятеля в русских армейских листовках
1812 года**

“Кто не жил во время Наполеона, тот не может вообразить себе степени его нравственного могущества, действовавшего на умы современников. Имя его было известно каждому и заключало в себе какое-то безотчетное понятие о силе без всяких границ. К воинской славе Наполеона, наполнившей воображение всех, присоединились необыкновенные явления в природе... Все были в ожидании событий чрезвычайных. На небе явилась комета. Простолюдины, глядя на бродящую в небесах звезду и огромный хвост ея, говорили: “Пометет беда землю Русскую!””ⁱ Эти слова А. И. Михайловского–Данилевского красноречиво характеризуют моральное состояние российского общества накануне Отечественной войны 1812 г. “В России желание войны было почти общее... Но какое-то всеобщее недоумение распространилось повсюду, когда приблизился час борьбы с тем исполином, чьи подвиги гремели даже в самых отдаленных концах России”ⁱⁱ.

В этих условиях не удивительно, что Александр I повелел “привести немедленно в исполнение” проект создания при Западных армиях походных типографий. Авторы полученного 5 июня 1812 г. военным министром М. Б. Барклаем де Толли проекта — профессора Дерптского университета Федор Рамбах и Андрей Кайсаров — писали: “Мы живем не в тех временах, когда мнение основывалось на успехах оружия – вещи переменились – ныне успех зависит от мнения. Где ныне хотят побеждать, там стараются прежде разделить мнение народа; стараются представлять ему пользу Отечества в разных видах”ⁱⁱⁱ. На протяжении всей войны издания походной типографии широко распространялись как в армии, так и среди населения, перепечатывались в газетах. Издаваемые в виде листовок, они включали обращение главнокомандующих к населению России, к воинам русской армии (в виде приказов), “Известия” о военных действиях, памфлеты с разоблачением бюллетеней Великой армии, воззвания на иностранных языках к войскам противника и народам Европы.

Достаточно полная источниковедческая характеристика армейских листовок дана в предисловии и комментариях к сборнику документов “Листовки Отечественной войны 1812 года” (М., 1962). Как особому направлению военной публицистики им посвящена монография А. Г. Тартаковского^{iv}. Характеристике неприятеля в этих изданиях уделено лишь несколько фраз.

Пыталось ли российское командование создать “образ врага”, и насколько этот образ соответствовал действительности? Ответ на этот вопрос позволяет определить достоверность русской военной пропаганды в 1812 г. и уточнить ее общую направленность. Содержание армейских листовок как источника, наиболее непосредственно зафиксировавшего такого рода информацию, изучено нами в трех аспектах: характеристика Наполеона, отношение к французам как народу–неприятелю и сведения об армии противника.

По мнению А. Г. Тартаковского, в армейских листовках, в отличие от правительственной пропаганды, “Наполеон никоим образом не рассматривался в качестве продолжателя и наследника французской революции, он – тиран, стремящийся “поработить Россию”, “внесший меч и пламя в отечество наше”, “дабы уничтожить могущественный народ в недрах его отчизны”. Цели войны истолковываются, таким образом, в освободительном духе”^v. Действительно, в листовках нет ни слова о французской революции, но их нет и в российских правительственных манифестах 1812 г. И все-таки связь Наполеона с французской революцией в листовках обозначена. В самой первой из них, с приказом М. Б. Барклая де Толли войскам Западных армий от 13 июня, российские воины призываются “твердо противостоять дерзости и насилиям, двадцать уже лет наводняющим землю ужасами и бедствиями войны”^{vi}. Как “полководец, увенчанный славою, преследуемый 20-летними успехами”^{vii} упоминается Наполеон в “Известиях из армии” от 7–13 ноября. Таким образом, в листовках отмечается связь как неприятельского вторжения в Россию, так и военной биографии Наполеона с французскими революционными войнами и правлением якобинцев (1792–93 гг.).

Освободительный характер войны 1812 г. в правительственных воззваниях выражен столь же ярко, как и в листовках. Примером этого служит известный рескрипт Александра I графу Салтыкову: “Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить

Россию...Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили нас препоясаться на брань”^{viii}.

А. Г. Тартаковский считает, что “армейские издания отдавали Наполеону должное; фигура его в отличие от религиозных памфлетов освещалась в сугубо светском духе: это военачальник, полководец, опытный и коварный, “гордый неприятель”^{ix}. Между тем, ни в одной из армейских листовок, изданных на русском языке, вплоть до 24 октября имя Наполеона даже не упоминается.

Первое упоминание в листовках о Наполеоне содержится в “Известиях из армий” о сражении при Малоярославце и освобождении Москвы: “Уже император Наполеон слышит ропот в рядах своего воинства, уже начались там побеги, голод и беспорядки всякого рода”. Можно подумать, что к нему относится и начало листовки: “Гордый неприятель, внесший меч и пламя в отечество наше, вторгнувшийся в самое сердце его, Москву, мнил поработить Россию. Ныне является ясно, что он обманулся в своих надеждах”. Сле дующая, однако, за этими словами фраза — “изнуренный голодом, ослабленный ежедневными частными сражениями, изнемогал он”^x, определенно показывает, что речь здесь идет не о Наполеоне. “Гордый неприятель” — это все “нашествия галлов и с ними двадцати язык”, включая их предводителя.

К характеристике Наполеона как прославленного полководца в листовках относятся лишь отдельные фразы: “Главная неприятельская армия, предводительствуемая самим Наполеоном... совершенно истреблена”^{xi} (14 декабря); “Токмо в бегстве своем сам вождь их не искал иного, кроме личного спасения”^{xii} (21 декабря). Эти и другие единичные упоминания о Наполеоне неизменно приводятся в связи с поражениями его войск, т.е. в определенном контексте. То обстоятельство, что ими командовал “сам” Наполеон, подчеркивает масштаб и значение побед русской армии: “Наполеон оставил командовать сими непобедимыми воинами и уехал, как известно, на почтовых!”^{xiii} При этом авторы листовок не торопились, опережая события, развенчать образ Наполеона как непобедимого полководца. Его характеристика как “человека обыкновенного, всегда и вечно ошибкам и слабостям по примеру других подверженного”^{xiv} впервые прозвучала в “Известиях” о сражении под Красным, и обосновывается

она не столько поражением самого Наполеона, сколько оставлением им без поддержки корпуса Нея. Как и при других победах, авторы этой листовки не приписывают заслуги исключительно русской армии — “успехи таковые относим мы непосредственно к промыслу Высшего, оскорбленного во святых ликах своих, врагами поправных, который, укрепляя силы воинов наших, подает им терпение к столь примерным трудам”^{xv}.

Нравственные характеристики Наполеона немногочисленны: “властолюбие”, алчность, кичливость, “ложное величие”. Самое резкое определение Наполеона как “бесчестного врага и всеобщего угнетателя”^{xvi} содержится в листовке с приказом Кутузова по армиям о благожелательном отношении к жителям освобожденных губерний от 12 декабря. Изданную тогда же на немецком языке брошюру “Отступление французов” (в русском переводе — “Обратный поход французов из России в 1812 г.”) мы в данном случае не рассматриваем по причине ее совершенно особого места в истории русской публицистики^{xvii}. В правительственных документах имя Наполеона упоминается столь же редко, как и в листовках.

В листовках 1812 г. нет ни слова о “галлах”, но и о французах сказано лишь трижды. Впервые — в “Известиях об армии” от 30 сентября, поскольку это необходимо по смыслу фразы — “сей час получено известие, что гишпанцы и англичане, разбив французов, заняли Мадрид”^{xviii}. Во втором случае — в Известиях об освобождении Москвы: “К прежним известным уже учиненным французами в сей столице неистовствам, кои посеяли между российским и их народом семена вечного мщения, надлежало им еще подорвать минами некоторые места в Кремле”^{xix}. Третье упоминание говорит о грабеже “бесчеловечных французов”.

О причинах продвижения неприятеля вглубь России в немногочисленных листовках этого периода ничего не сказано, кроме упоминания о его хитрости и многочисленности. Сведения о боеспособности войск противника связаны с дезертирством, испытываемых ими затруднениях с продовольствием, деморализацией во время отступления. Об этом сообщается уже 30 сентября в “Известиях” из Тарутинского лагеря: “Расстроенные силы неприятеля не позволяют делать ему против нас покушений. Удалением от

пределов своих лишен он всех пособий; продовольствие его час от часу становится затруднительнее, и пленные уверяют, что в их армии употребляют в пищу лошадиное мясо, несмотря на то, что у них мяса более, нежели хлеба^{xxx}. После оставления Москвы “в бегстве своем оставляет он обозы, взрывает ящики с снарядами и покидает даже сокровища, из храмов Божиих похищенные^{xxxi}. После поражения под Красным “рассеянность его и беспорядок служил удивлением всем войскам нашим. Никогда, конечно, не было другой армии в подобном расстройстве. Пушки брошены, люди разбрелись, обоз самого императора и походная его канцелярия с важнейшими его бумагами осталась в добычу победителей^{xxxii}. Авторы листовок говорят и о причинах столь быстрой потери боеспособности армии противника: “Их ободрял успех, но этот успех был обман. Один сильный удар привел в расстройство всю сию громаду..Все сии несчастные, осужденные погибнуть вдали от своего отечества, на разных языках проклинают властолюбие, причиняющее их гибель... потеряли доверенность к фортуне своего военначальника^{xxxiii}”.

С начала войны в листовках подчеркивается злодейское отношение неприятеля к мирному населению. “Партии или, лучше сказать, разбойничьи шайки его, нападая на безоружных поселян, тиранствуют над ними со всю жестокостью времен варварских: грабят и жгут дома их; оскверняют храмы Божии, оскорбляют разными ругательствами священнослужителей их, и словом, все встречающееся делают жертвою насилия своего^{xxxiv}. Конкретные примеры злодеяний противника приводятся при описании подвигов армейских и крестьянских партизанских отрядов. Причинами такого поведения наполеоновских войск авторы листовок называют алчность, жадность, завистливость. Дерзость и наглость, надменность и кичливость увлеченных гордостью и лестными мечтами завоевателей после оставления ими Москвы сменяются малодушием: “Бегут, преследуемые ужасом; им сопутствует голод; не имея пищи принуждены (чему едва поверят просвещенные современники) как дикие съедать своих изнуренных братьев. Те дороги, по которым мечтали они возвратиться с добычею и торжеством, усеяны мертвыми их трупами; раненые и больные брошены ими на пути в добычу голода и морозов”. В подтверждение этому авторы листовки цитируют перехваченное письмо вице-короля

Италии Е.Богарне от 26 октября: “ Последние три дня страданий так подавили дух в солдатах, что я не думаю, чтобы они были в состоянии сделать теперь какое–нибудь усилие. Много людей померло от голода и стужи, другие отчаянные сами сдались неприятелю”^{xxv}. Бедственное состояние отступающей Великой армии противопоставляется в листовках: “С одной стороны, бегущий неприятель, в душе его бешенство и отчаяние, с другой, величественные ряды русских мстителей ! Там — дикие вопли неистовых хищников, здесь — благодарственные гимны за победу и славу, теплые молитвы за обожаемого монарха и торжественное ура!, с которым русский всегда истреблял силы противных”^{xxvi}.

“Образ врага”, грозного и непобедимого был создан к 1812 г. самим императором Наполеоном, его многолетними победными войнами, его политикой в завоеванной Европе. Этот образ в русских армейских листовках 1812 г. выражался понятием “неприятель”, в котором слились властолюбие и агрессивность Наполеона, грабительство и святотатство его солдат, покорность европейских народов, включая самих французов. Русская военная пропаганда была направлена не против Наполеона, а против этого единого неприятеля, “врага”, “злодея”, нашествие которого воспринималось в России как грозное стихийное бедствие. Образ неприятеля как бедствия, которому рано или поздно придет конец, наиболее ярко выражен в “Известиях из армии” от 7–13 ноября. В этой листовке польский генерал в захваченном Могилеве спрашивает местную жительницу, “помнит ли она, чтобы город сей был в подобном настоящему положении?” “Слабо, но помню, — отвечала старуха, — что налетевшая саранча равномерно опустошила край сей, но она вскоре погибла, и мы до сего оставались, благодаря Всевышнего в лучшем изобилии!” Отзыв сей, как известно, рассеялся в неприятельской армии, и кому из них судьба предназначила путь к спасению себя от равной с саранчей участи, тот сохранит оный надолго в твердой памяти”^{xxvii}

Примечания

ⁱ Михайловский–Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч.III. СПб., 1849, с.141.

-
- ⁱⁱ Там же.
- ⁱⁱⁱ Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. док. М., 1962, с. 146.
- ^{iv} См.: *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967.
- ^v Там же, с. 64–65.
- ^{vi} Листовки..., с.21.
- ^{vii} Там же, с. 72.
- ^{viii} *Михайловский–Данилевский А.И.* Указ.соч., с. 159.
- ^{ix} *Тартаковский А.Г.* Указ.соч., с. 65.
- ^x Листовки..., с.55.
- ^{xi} Там же, с. 114.
- ^{xii} Там же, с. 120.
- ^{xiii} Там же, с. 114.
- ^{xiv} Там же, с. 72.
- ^{xv} Там же, с. 73.
- ^{xvi} Там же, с. 97.
- ^{xvii} См.: там же, с. 113.
- ^{xviii} Там же, с. 51.
- ^{xix} Там же, с. 51.
- ^{xx} Там же, с. 50.
- ^{xxi} Там же, с. 57.
- ^{xxii} Там же, с. 70.
- ^{xxiii} Там же, с. 64.
- ^{xxiv} Там же, с. 33.
- ^{xxv} Там же, с. 64, 67.
- ^{xxvi} Там же, с. 91.
- ^{xxvii} Там же, с. 75.